

М. Б. Успенская^а

^аПравославный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет,
Новокузнецкая ул., 23Б, Москва, 115184,
Россия
[usmarus@yandex.ru]

^аSt. Tikhon's Orthodox University
for the Humanities,
23B Novokuznetskaya st., Moscow, 115184,
Russia
[usmarus@yandex.ru]

А. М. Линеvский: четыре письма к Л. Я. Штернбергу

Материал получен 08.04.2021, доработан 19.04.2021, принят 11.05.2021

Резюме. В статье публикуются (впервые) письма А. М. Линеvского к Л. Я. Штернбергу (1926–1927 гг.), представлены фотографии их рукописных оригиналов. Именно эти четыре письма автор статьи считает особенно важными, так как они обозначили некий рубеж в судьбе Линеvского-исследователя: два письма до (1926 г.) и два после находки (1927 г.), которая привела его в область археологии. Приведены также выдержки из писем к А. Я. Брюсову (1927–1929 гг.), которые позволят читателю получить представление о первых шагах А. М. Линеvского в изучении и расшифровке наскальных изображений Карелии, последовавших сразу после открытия начинающим этнографом петроглифов на острове Шойрукшин.

Ключевые слова: А. М. Линеvский, Л. Я. Штернберг, А. Я. Брюсов, Карелия, петроглифы.

Uspenskaya M. B. A. M. Linevsky: four letters to L. Ya. Sternberg. The article publishes (for the first time) the letters of A. M. Linevsky to L. Ya. Sternberg (1926–1927), and presents photographs of their handwritten originals. It is these four letters that the author of the article considers particularly important, since they marked a certain milestone in the fate of Linevsky as a researcher. Two letters (1926) were written before and two (1927) after the discovery of Besovy Sledki petroglyphs, which led Linevsky to the field of archaeology. There are also excerpts from his letters to A. Ya. Bryusov (1927–1929), which will allow the reader to get an idea of the first steps of A. M. Linevsky in the study and deciphering of Karelian rock carvings, which followed immediately after the discovery of petroglyphs on Shoirukshin Island by a novice ethnographer.

Keywords: A. M. Linevsky, L. Ya. Sternberg, A. Ya. Bryusov, Karelia, petroglyphs.

Александр Михайлович Линеvский — этнограф, археолог, писатель, человек...

Настоящей статьёй автор хотела бы приоткрыть дверь в мир неординарного и пылкого исследователя через его личную переписку.

Личные письма позволяют высветить ситуацию изнутри. Написанные в минуты острой необходимости или под воздействием сильных эмоций, эти документы представляют собой ту самую «непричёсанную» правду, которая привносит дополнительные нюансы в уже известные события.

В 1972 г. Линевский передал свой архив (письма, материалы по этнографии и археологии и др.) в Центральный госархив КАССР (ныне Национальный архив Республики Карелия) — «тринадцать картофельных мешков», которые были разобраны на 700 «дел» (письмо Г. А. Медынскому от 3 октября 1973 г., Отдел письменных источников ГИМ. Ф. 513. 105381. 5432).

Сохранилась многолетняя переписка Линевского с писателем Григорием Александровичем Медынским (архив отдела письменных источников ГИМ), письма которого, по словам самого Линевского, обладали «магическим свойством заряжать энергией» (письмо Г. А. Медынскому от 30 декабря 1963 г., Отдел письменных источников ГИМ. Ф. 513. 105381. 5432).

Сохранились и многочисленные письма, которыми на протяжении нескольких десятилетий (с 1927 по 1966 г.) обменивались археолог Александр Яковлевич Брюсов и А. М. Линевский (отдел рукописей РГБ, отдел письменных источников ГИМ) — свидетельство трогательной и порою противоречивой дружбы.

Множество документов (рукописи, письма, фотографии) находится в Национальном архиве Республики Карелия.

Вниманию читателя в данной работе предлагаются письма А. М. Линевского к Л. Я. Штернбергу (СПбФ АРАН) и А. Я. Брюсову, а также короткие выдержки из писем к В. А. Городцову и Г. Н. Медынскому. В названии статьи, тем не менее, фигурирует лишь одно из упомянутых имён. Отсутствие других ни в коем случае не умаляет роли их обладателей, но лишь призвано сделать определённый акцент в изложении материала. Именно письма к Л. Я. Штернбергу отразили начальный момент трансформации личности молодого исследователя, черту, за которой начался путь этнографа в мир наскальных изображений. Именно эти четыре письма обозначили некий рубеж в судьбе Линевского, учёного и человека — два письма до и два после находки, которая привела его в область археологии. Естественно было бы со стороны читателя задаться вопросом: есть точка отсчёта, но что же дальше? Письма к Брюсову свидетельствуют о том, что история получила продолжение. Остальные цитаты носят иллюстративный характер или же отдают дань прошлому спустя многие годы.

По воспоминаниям С. А. Ратнер-Штернберг, Л. Я. Штернберг, впервые посетивший Музей антропологии и этнографии в июле 1900 г., произнёс такие слова: «А я бы рад был быть здесь хоть сторожем, я бы получил право жительства и работал бы по этнографии». Через год с небольшим он был приглашён в музей на должность старшего этнографа и стал его «верным стражем» на долгие годы, энтузиастом роста и расширения музея и подъёма его научного престижа. Как никто другой, он понимал важность пополнения музейных коллекций через систематические научные экспедиции и командировки, однако для экспедиций нужны были этнографы не просто с хорошей теоретической подготовкой, но и с опытом работы в поле. Трудную задачу подготовки таких специалистов он взял на себя. Сначала это были лекции-беседы по этнографии на базе музея и лекции по этнографии для студентов географического кружка при Петербургском университете, затем Высшие географические курсы и этнографический факультет Географического института в Ленинграде, позже (в 1925 г.) реорганизованный в этнографическое отделение географического факультета ЛГУ. «Участников наиболее важных экспедиций он подготавливал месяцами, читал им во время бесед целые курсы по первобытной религии, по шаманству, по социальной культуре, лингвистике, фольклору и ин- структировал по методологии полевой работы». Одна из ранних слушательниц

лекций Штернберга Н. Д. Флитнер писала: «И не только словом учил он, сколько всем своим обликом, всей своей деятельностью... За его внешней суровостью всегда чувствовалась большая, светлая человеческая душа» (Ратнер-Штернберг 1928: 31–32, 39–40, 43).

Деканом этнографического факультета Л. Я. Штернбергом были собраны в этом учебном заведении выдающиеся преподаватели, на всех курсах был введён летний триместр, посвящённый полевой практике. Этнографические работы во всех уголках страны проводились по единой программе, которую составил Герман Владимирович Богораз-Тан. Она была опубликована под его редакцией в 1928 г. (Макарьев 1928). Богораз же один за другим издавал материалы студенческих экспедиций, снабжая их острыми журналистскими комментариями (Гаген-Торн 1975: 185). А что значило редактирование Штернбергом работ начинающих этнографов! «Сплошь и рядом это редактирование сводилось к радикальной переделке статей или им самим или их авторами, согласно его дальнейшим указаниям» (Ратнер-Штернберг 1928: 63).

Этнография — венец всех гуманитарных наук, ибо она изучает всесторонне все народы, всё человечество в его прошлом и настоящем. Так звучала первая из десяти заповедей, которую исповедовали оба этнографа. Между преподавателями и студентами на географическом факультете сложились особые отношения: Штернберг и Богораз не только интересовались учебными делами студентов, но и принимали участие в их повседневной жизни. Штернберг заботился об отдыхе студентов, снабжал соответствующими рекомендательными письмами, делился лекарствами из своей аптечки. Если студентам нужны были деньги, то они обращались к Богоразу, который на этот случай на шее под рубашкой носил замшевый мешочек. «Вырастете — отдадите. Не мне, так кому-нибудь другому», — говорил он. Студенты участвовали в разработке учебных планов и помещали свои статьи в научных сборниках (Гаген-Торн 1975: 175, 182).

Атмосфера, царившая на факультете, способствовала доверительным отношениям между профессурой и студенчеством. Таковы были и письма, которыми обменивались студенты с профессором Л. Я. Штернбергом, «одним из немногих людей, имеющих право называться учителями» (Ратнер-Штернберг 1928: 43), — тёплые, искренние.

А. М. Линевский поступил на этнографический факультет Географического института в Ленинграде осенью 1923 г. На решение стать этнографом безусловно повлияли пять лет (1918–1923 гг.) самостоятельной трудовой жизни на Севере России. Тогда же впервые Линевский ощутил в себе тягу к беллетристике — изложению документального материала с использованием приёмов художественного повествования. Оба профессора, и Штернберг, и Богораз, были и учёными и беллетристами одновременно, что не могло не прибавить энтузиазма начинающему этнографу. Первый очерк («Революция и чуваш») был им опубликован в октябре 1925 г. в сборнике «Обновлённая деревня» под редакцией Богораза (Линевский 1925). Так впервые соединились оба желания Линевского: изучать народный быт и рассказывать об этом людям. В дальнейшем принцип документальности стал основополагающим в творчестве Линевского-писателя. «Насколько человеческие документы сильнее „литературщины“!!» — восклицает он в письме к Г. А. Медынскому от 27 февраля 1964 г. (Отдел письменных источников ГИМ. Ф. 513. 105381. 5432). Именно такие человеческие документы (данные этнографии и археологии, собственную расшифровку наскальных рисунков Карелии) Линевский положит в основу «Листов каменной книги» —

повести, которая не станет главной в его жизни, но станет любимой: «С радостью шлю свои „Листы“. Я их люблю, и многие их любят» (Там же).

Лето 1926 г. стало решающим в судьбе Линевского. Обнаруженная им в юго-западном Прибеломорье скала с петроглифами, по его же собственным словам, с того августовского дня неуклонно тянула его в область археологии (Линевский 1975: 115). Встреча студента-этнографа со старовером Григорием Павловичем Матросовым, показавшим ему наскальные рисунки, подробно описана самим Линевским и часто цитируется в публикациях о нём, как и история с деньгами, которые Совнарком Карельской АССР обещал выделить Д. А. Золотарёву, сотруднику Русского музея в Ленинграде, на этнографическую экспедицию, но по ошибке перевёл этнографам географического факультета ЛГУ.

А. М. Линевский — Л. Я. Штернбергу

2 мая 1926 г. (СПбФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. Д. 169. Л. 1, 1 об., 2, 2 об.)

(рис. 1–4)

Глубокоуважаемый Лев Яковлевич

Простите, что пишу карандашом, но сегодня 2-й день Пасхи, магазины заперты и чернил достать негде.

На второй день приезда, в 1-й день Пасхи, я имел свидание с Пред. ЦИК'ом Кар. АССР и Предсовнаркома — с Пред. ЦИК'ом я имел двухчасовую беседу общего характера, с Пред. Совнаркома Эдуардом Александровичем Гюллингом сравнительно короткую чисто деловую. Антрополог Д. А. Золотарев также организует экспедицию в Кар. Республику и одним из первых вопросом Пред. Совнаркома был вопрос: какая же из двух экспедиций является от Академии Наук. На это я ответил следующее: наша экспедиция состоит из студентов, была организована нашими учителями старшим этнографом Ак. Наук Л. Я. Штернбергом и проф. В. Г. Богоразом; Д. А. Золотарев — сотрудник Русского музея, не находящегося в ведении Академии Наук. Дело получилось следующее: в прошлом году Золотарёв был в Кар. АССР и просил 2000 рублей, весной одну тысячу перевели нам (а не ему) и забронировали вторую дополнительно.

Д. А. Золотарев обратился в Президиум Академии с просьбой исходатайствовать перед Кар. АССР о дополнительных 500 рублей и одновременно с этим послал план своей работы (обследование оленеводства Кемского района и т. д.); план весьма не понравился Карельскому Госплану т. к. все исчерпывающие сведения уже собраны и ответ задержали ожидая моего приезда.

Я выдвинул следующие пункты нашей работы: считаем себя работающими от Кар. ЦИК'а, все экспонаты и материалы (после обработки) принадлежат Кар. АССР; члены экспедиции работают более или менее ограниченный срок, я же до тех пор пока Кар. Правительство не будет удовлетворено работой, план работ экспедиции составляется сообща вместе с заинтересованными руководителями Кар. АССР, а потому вторую тысячу необходимо забронировать за нами, без которой работа будет совершенно сорвана, начата и недоконченна.

Пред. Совнаркома А. А. Гюллинг решил деньги оставить за нами, а Золотарёву отказать из за временного отсутствия денег, уведомив, что средства переданы экспедиции снаряженной Вами и Владимиром Германовичем. Когда Д. А. Золотарёв получит это извещение, он подымет большой крик и если ему удастся возбудить шум Академии Наук, то мне будет значительно труднее сохранить деньги за нами, хотя я проявляю свою работоспособность весьма

энергично. Поэтому я Вас очень просил бы в день получения или на следующий день повидать и защитить нас перед С. Ф. Ольденбургом, указав, что я собираюсь не менее 9-ти месяцев весьма интенсивной работы отдать в Кар. Республке, Макарьев приблизительно такое же время и т. д.

Это нужно успеть сделать прежде чем Д. А. Золотарёв прибежит жаловаться, т.к одновременно с этим письмом в Ленинград пойдёт извещение Д. А. Золотарёву от Петрозаводского музея об его фиаско.

Если Вы не откажете в доброте раз'яснить непрем. секретарю Ак. Наук прежде чем Д. А. Золотарёв будет у него, тогда всё будет тихо, спокойно и я смогу сделать дело, на которое я отдам все свои силы и способности.

В противном случае наше положение будет очень тяжёлое, т. к. к тысяче Золотарёв прибавит деньги Русского музея и в полном смысле затрёт нас.

Я очень и очень прошу помочь нам, по существу, в Вашей же экспедиции. Жду от вас ответа.

Уважающий Вас

Александр Линевский

2-V-26

Петрозаводск Кар. АССР

Садовая 10, общежитие Каронегсоюза.

P.S. Одновременно с письмом к Вам пишу Владимиру Германовичу.

Была тяжба со стороны Русского музея и было выступление 24-летнего Линевского на специальном заседании в зале Совнаркома. Деньги удалось отстоять. Экспедицию возглавил А. М. Линевский (Савватеев 2010: 98).

Н.И. Гаген-Торн вспоминает, как Богораз начинал беседу с аудиторией на одной из своих первых лекций: «Имейте в виду, этнографом сможет стать только тот, кто не боится скормить фунт крови вшам... Потому, что узнать и изучить народ можно, только если живёшь одной жизнью с этими людьми. А у них вошь довольно распространённое животное. Претендовать на удобства или даже гигиену этнограф во время полевой работы не имеет право» (Гаген-Торн 1971: 140). Штернберг же умел в скромной, едва заметной вышивке из оленьего волоса рассмотреть важное культурное явление. В каждом, хотя бы и маловажном, обыденном предмете умел тонко подмечать детали, и этот предмет словно оживал, преломляясь в его «этнографической» душе (Ратнер-Штернберг 1928: 65). К такой же тщательности в работе приучал он и своих студентов. Вернувшись из экспедиций, они выступали с докладами, а привезённые фотографии, записи и предметы быта выставляли в музее.

К отделу археологии Музея антропологии и этнографии Лев Яковлевич проявлял особое внимание и всеми силами содействовал его развитию. Археологический материал этого отдела он считал крайне важным для создания общей картины эволюции культуры и для генетического изучения культуры ныне живущих народов, отсталых в культурном отношении, ибо и самые низшие из современных культур — тоже продукт долгого развития из форм ещё более примитивных, уже отошедших (там же: 53).

Линевский не щадил себя, постигая полевую науку. Об этом свидетельствует, в частности, приводимое ниже письмо, написанное им за считанные дни до открытия петроглифов.

А. М. Линевский — Л. Я. Штернбергу
31 июля 1926 г. (СПбФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. Д. 169. Лл. 3, 3 об., 4, 4 об.)
(рис. 5–8)

Глубокоуважаемый Лев Яковлевич.

Чувствую долг и потребность известить Вас о своей работе. Я решился выполнить наиболее трудную, сложную по работе и тяжелую физически задачу — обрисовать стадии карельской жизни от полудикарского существования в лесах до современной жизни. Центр внимания лежит в фиксировании всех следов старины. Демон моей работы был весьма подвержен влиянию староверов Данилова скита и Каргопольского уезда, очень интересно проследить какое влияние имело старообрядничество на народность, чуждую православию. На карел старались влиять и православие (государственное) и старообрядчество. По сравнению с православием, старообрядчество отличалось фанатическим абсолютизмом; а, именно, это так повлияло на карел моего района, что найти чисто карельское я не мог ни в чем, везде староверское влияние. Но тема моей работы требует непременно привязки к чисто-карельскому быту; в самом последнем по своему маршруту селении я узнал о двух замечательных пастухах за 110 и 140 вёрст. Отправляюсь туда послезавтра (конечно пешком); судя по рассказам они не признают церквей и староверских часовен, отличаются особыми свойствами пасти скот, защищать от медведей во время пастьбы скота: не живут половой жизнью, не дают никому руки,

3
Глубокоуважаемый
Лев Яковлевич —
Чувствую долг и потребность
известить Вас о своей работе.
Я решился выполнить
наиболее трудную, сложную
по работе и тяжелую физически
задачу — обрисовать ~~эта~~ стадии
карельской жизни от полу-
дикарского существования в лесах
до современной жизни.
Центр внимания лежит в
фиксировании всех следов старины.
Демон моей работы был весьма
подвержен влиянию староверов
Данилова скита и Каргопольского
уезда, очень интересно проследить
какое влияние имело
старообрядчество на народность,
чуждую православию.
На карел старались влиять
и православие (государственное)
и старообрядчество; именно так
на карел моего района.

3 об.
По сравнению с православием
старообрядчество отличалось
фанатическим абсолютизмом,
а именно, это так повлияло на
карел моего района, что найти
чисто-карельское я не мог ни
в чем, везде староверское влияние.
Но тема моей работы требует
непременно привязки к
чисто-карельскому быту;
в самом последнем по своему
маршруту селении я узнал
о двух замечательных пастухах
за 110 и 140 вёрст.
Отправляюсь туда послезавтра
(конечно пешком); судя по рас-
сказам они не признают церквей
и староверских часовен, отличаются
особыми свойствами пасти скот,
защищать от медведей во время пастьбы
скота; не живут половой жизнью,
не дают никому руки, не дают
никому и своей жены —
слова: не признают церквей и
староверских часовен, отличаются
особыми свойствами пасти скот,
защищать от медведей во время пастьбы
скота; не живут половой жизнью,
не дают никому руки и своей
жены — слова: не признают
церквей и староверских часовен,
отличаются особыми свойствами
пасти скот, защищать от медведей
во время пастьбы скота: не живут
половой жизнью, не дают никому
руки, не дают никому и своей
жены.

мног. еск. обзвено с пастухами
Зырян (которые между прочим,
весь близки к тесно с карелами
в ряде сторон) и, можно думать, русских
в особенности севера, но думаю, что
это единственное, что в то время
с самой малой примесью
церковности и русской влияния
вообще.

Моя основная мука — это хождение
пешком вёрст 30–35 и больше.
Иногда буквально падаю на каждой
версте; нанять лошадь невозможно,
т. к. деньги здесь стоят очень дешево.
Зимой каждая лошадь на возке
леса в день зарабатывает от 10 до 15
рублей. Жить мне нелегко, если бы не
фотографический аппарат, я бы давно
погиб; он поддерживает меня до
степени, что худо ли или хорошо,
но кое-как работаю. Питание состоит
только из молока и хлеба; эта
молочная диета очень расслабляет,
а тут ещё передвижение по 30 вёрст
за раз. Боюсь определить время
сколько ещё пробуду в Карелии, буду
до самых последних сил, чтобы
набрать побольше материала о старине.

405

до самых последних сил, чтобы
набрать побольше материала
о старине.

Во всяком случае в музеях
наиболее работоспособные группы
старики, сейчас это не могу
точно сказать; денег, конечно, нет.
Надеюсь что найдётся время, же-
лание или необходимость ка-
ких-нибудь дел.

Сид. Сороки Мурманск. г. д.
П. Штернберг. г. д. А. М. Линевакому
до воспоминаний. Линевский

Звешеминт Вас
Линевский

31-VII-26
Рязань

Р. Я. думаю, что
отдать обвалу 4/3 вёрст,
если в Рязань 10 вёрст, то
всегда в кандалах сенин
померились 30 вёрст, но
случайно сохранившиеся

Рис. 5–8. Письмо А. М. Линевакому к Л. Я. Штернбергу от 31 июля 1926 г. (СПбФ РАН. Ф. 282. Оп. 2. Д. 169. Л. 3, 3 об., 4, 4 об.)
Fig. 5–8. A. M. Linevsky's letter to L. Ya. Sternberg dated July 31, 1926. (St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences)

не дают прикасаться никому к своей дудке, не едят мяса никогда, не позволяют владельцам скота в этот период убивать дичь в лесу или резать из стада скот (чтобы не изменилось число пасомого скота) и т. д. Много есть общего с пастухами зырян (которые, между прочим, очень близки и тесны с карелами в ряде сторон) и, можно думать, русских в особенности севера; но думаю, что это единственное, что я получу с самой малой примесью церковности и русского влияния вообще.

Моя основная мука — это хождение пешком вёрст 30–35 и больше. Иногда буквально падаю на каждой версте; нанять лошадь невозможно, т. к. деньги здесь стоят очень дешево! Зимой каждая лошадь на возке леса в день зарабатывала от 10 до 15 рублей. Жить мне нелегко, если бы не фотографический аппарат, я бы давно погиб; он поддерживает меня до степени, что худо ли или хорошо, но кое-как работаю. Питание состоит только из молока и хлеба; эта молочная диета очень расслабляет, а тут ещё передвижение по 30 вёрст за раз. Боюсь определить время сколько ещё пробуду в Карелии, буду до самых последних сил, чтобы набрать побольше материала о старине.

Вы просили послать в музей наиболее любопытные примитивы, сделать это не смогу — стоит дорого; денег, конечно, нет.

На случай, что найдётся время, желание или необходимость написать даю адрес.

ст. Сороки Мурманской жд.

Почт/тел. отд. А. М. Линевскому

до востребования. Заказным.

Уважающий Вас А. Линевский

31–VII–26

Ругозеро

P. S. Не думайте, что я опять «обхвачу» 43 волости, если я брожу, то потому что всегда в каждом селении подметишь чтонибудь новое, случайно сохранившееся.

За три месяца в 1926 г. Линевский обошёл почти полностью пять западных волостей Петрозаводского уезда (в 1927 г. уездное деление в Автономной Карельской ССР было упразднено, и указанная территория была разделена между Ребольским, Ругозёрским и Сегозёрским районами). Лишь спустя много лет он по-настоящему осознает, какими «заманчиво-волнующими» были эти студенческие путешествия. «Ведь каждое утро трёхмесячной экспедиции начиналось в тревожной и сладкой неизвестности: что-то даст мне сегодняшний день? Страстно хотелось открыть что-то новое и ценное для этнографии. Ведь, по искреннему убеждению студента третьего курса, эта наука интереснее всех прочих, а для нашего времени она абсолютна необходима» (Линевский 1982: 372).

Принято считать чистой случайностью обнаружение Линевским в августе 1926 г. скалы с петроглифами в устье р. Выг. Он и сам описывает это событие как случайное. Так ли это? Юноша «бродит» много и упорно, «потому что всегда в каждом селении подметишь что-нибудь новое, случайно сохранившееся». И это упорство вскоре будет вознаграждено. «Демон моей работы весьма подвержен влиянию староверов», признаётся начинающий этнограф Штернбергу в письме от 31 июля 1926 г. До судьбоносной находки остаются считанные дни. Он идёт, как обычно, пешком, из Сороки (нынешний Беломорск) до Выгострова. Идёт, чтобы найти Григория Павловича Матросова и расспросить его о быте старообрядцев. В попутчике по одежде узнаёт старовера. Оказалось, что это и есть Матросов (рис. 9, 10). Тот пригласил молодого человека к себе в избу, накормил и напоил чаем, после чего посадил в лодку и отвёз на остров Шойрукшин. Позже Линевский вспоминал: «Я, как увидел, растерялся. Знал, что есть такие петроглифы... Сразу понял, что это для меня нечто большее... Так и оказалось... — на всю жизнь».

По совету Матросова Линевский купил обои. Он обводил контуры петроглифов химическим карандашом и наложением на них влажной бумаги получал отпечатки. Готовые отпечатки, привезённые им в Ленинград, заняли всю стену, приковав к себе всеобщее внимание. Отпечатками наскальных рисунков заинтересовался глава московской школы отечественной археологии профессор Василий Алексеевич Городцов, который, вернувшись в Москву, рассказал о беломорских петроглифах своим аспирантам, одним из которых был Александр Яковлевич Брюсов. Л. Я. Штернберг освободил Линевского от посещения лекций и предложил сосредоточиться на петроглифах. Весь учебный год студент-этнограф (рис. 11) изучал этнографическую литературу по северной Евразии за неимением археологической по Русскому Северу.

Рис. 9. Г. П. Матросов и А. М. Линеvский. 1927 или 1928 г. (Национальный архив Республики Карелия. Ф. 3262. Оп. 2. Д. 11)

Fig. 9. G. P. Matrosov and A. M. Linevsky. 1927 or 1928 (National Archive of the Republic of Karelia)

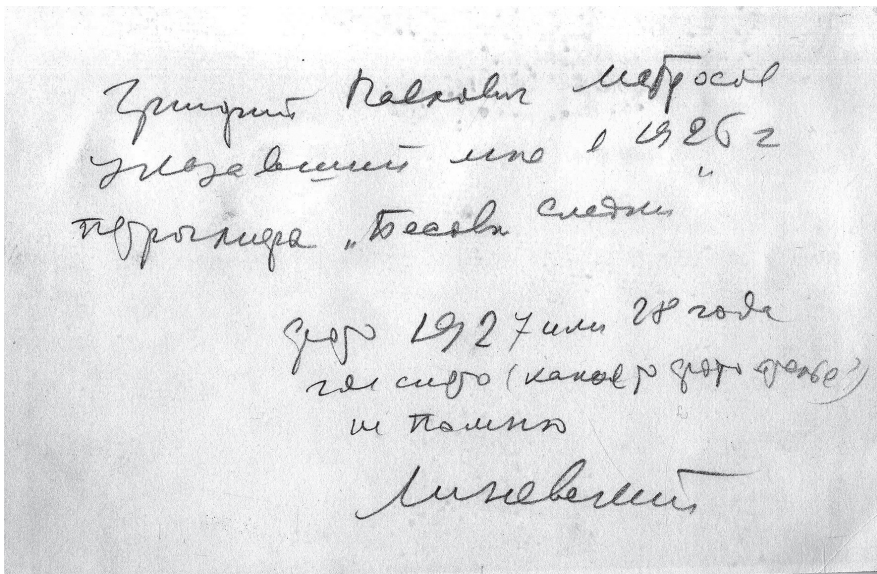

Рис. 10. Надпись на обратной стороне фотографии с рис. 9, сделанная Линеvским: «Григорий Павлович Матросов, указавший мне в 1926 г. петроглифы „Бесовы Следки“» (Национальный архив Республики Карелия Ф. 3262. Оп. 2. Д. 11)

Fig. 10. Inscription on the back of the photo made by Linevsky: «Grigory Pavlovich Matrosov, who showed me the petroglyphs “Besovy Sledki” in 1926» (National Archive of the Republic of Karelia)

А. Я. Брюсов, который к тому времени уже три года занимался археологическими разведками в Поморье, проявил живой интерес к находке Линевского и написал ему обстоятельное письмо. Ранней весной 1927 г. они встретились в Москве, будущий выпускник этнографического отделения привёз Брюсову собранный им в районе петроглифов подъёмный материал (Линевский б. д. 1).

*А. М. Линевский — Л. Я. Штернбергу
25 мая 1927 г. (СПбФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2.
Д. 169. Лл. 6, 6 об., 7, 7 об.)
(рис. 12–15)*

Глубокоуважаемый Лев Яковлевич.

Сегодня, 25 мая, предметная комиссия по общей этнографии почтила меня избранием в аспиранты (кроме меня ещё Могиланскую). Судя по отзывам Виннилова и Хохолко, все присутствующие дали обо мне лестные отзывы, но Ваше участие и отзывы, безусловно, сыграли решающую роль. Теперь мне предстоит быстро (на днях) ликвидировать зачетные долги, после чего защитить дипломную работу.

Т.к. Вы до 1-го июля не вернётесь, то я обратился к Евгению Георгиевичу Кагарову, который любезно согласился и в июне под его руководством мне предстоит обязанность защитить тему о превращениях покойников в духов у финнов и у русских Севера.

Для подобной работы у меня есть личный материал по зырянам, карелам, отчасти черемисам, много по чувашам, и по русским Сев-Двины, Вычегды, Мезени и отчасти по Ленинградской губ. и Белому Морю.

Мне думается, что в работу войдет много интересного и даже, быть может, нового.

Литературой я думаю воспользоваться главным образом для подтверждения своих материалов и лишь в крайнем случае для заполнения того или иного пробела. Америк открывать не буду и постараюсь, что работа была просто грамотна и богата содержанием.

Впрочем, Евгений Георгиевич сам весьма осторожный и никаких экстравагантных открытий с моей стороны не пропустит. Я думаю, что руководство Евгения

Рис. 11. А. М. Линевский, 1927 г. (Национальный архив Республики Карелия. Ф. 3262. Оп. 2. Д. 11)

Fig. 11. A. M. Linevsky, 1927 (National Archive of the Republic of Karelia)

Глубокоуважаемый
Лев Иванович,
Сегодня, 25го мая, Председатель
Комиссии по охране древностей
попытался меня и представить
в ассигнацию (кстати меня еще Комиссия)
Судя по отзывам Финникова и
по моему, все присутствующие
дали об мне лестные отзывы,
по Вашему запросу и отзывам, безусловно
сыграла решающую роль,
Теперь мне предстоит бороться (на
Финляндии) с жителями загорье
Финляндии, по моему мнению, это
лучше работы.
П. И. Чи до 12го июля не вернется,
поэтому я обратился к Владимиру Георгиеви-
чу Калашову, который много
сообщил и в конце концов решил
взвешивать мне предстоящую обязанность
защитить тему о петроглифах
покойников в духе у финнов и

русских
у (Савды).
Эта работа у меня есть
материал по древностям, керамика,
открытки геральдики, много по древностям,
и по искусству лет Финляндии, Швеции, Норвегии,
и отчасти по Ленинградской обл. и Калинин
Ленин.
Мне удалось, что в работе мой опыт
много интересного и даже, быть мо-
жет, нового.
Литературой я думаю воспользо-
ваться главным образом для под-
тверждения своих материалов и
лишь в крайнем случае для ре-
зюмирования или иного опыта
Америки. Печерники не буду и
восстановлю эту работу более
просто графика и богатая картина
манерами.
И прочее, Владимир Георгиевич сам
весьма осторожен и писатель
эксцентричных открытий с
моей стороны не одобряет.
Я думаю, что руководителем Владимир
Георгиевич послужит достаточной
гарантией, что я, как Ваш ученик,

Георгиевича послужит достаточной гарантией, что я, как Ваш ученик, не скомпрометирую своего учителя.

Завтра я буду просить М. А. Савицкую дать мне для защиты возможно поздний срок (но не позднее 1-го июля, по правилам); как только напишу работу и начисто ее отделаю, pošлю Вам одну печатную копию.

Мне советуют собрать побольше отзывов; я надеюсь получить его от Вас, причём необходимо, чтобы приложить его к моему делу не позднее 1-х чисел июня, когда будет просматривать какая-то высшая инстанция Университета.

Археолог проф. Спицын пришёл, мягко выражаясь, в восторг от моего петроглифа, копию пошлёт кому то в Скандинавию; Вл. Германович собирается тоже сделать для Америки. Подобные по стилю петроглифы есть в Скандинавии.

Но если же известен 1 по восточной стороне Онежского озера, 1 по восточной стороне Ладожского озера, мой на устье реки Выг у Белого моря (около г. Сороки) и один где-то на Мурмане.

Н. И. Репников и Спицын считают, что это вежи миграции какого-то народа из Скандинавии через побережье Белого моря к Ладожскому озеру. Южнее его подобных петроглифов нет, как и в Финляндии.

А. М. Шмидт думает поехать для обследования.

Я рассказал профессору Спицыну о других моих находках и одна из них оказалась лопским мольбищем, известных в Скандинавии. Оказывается, я первым

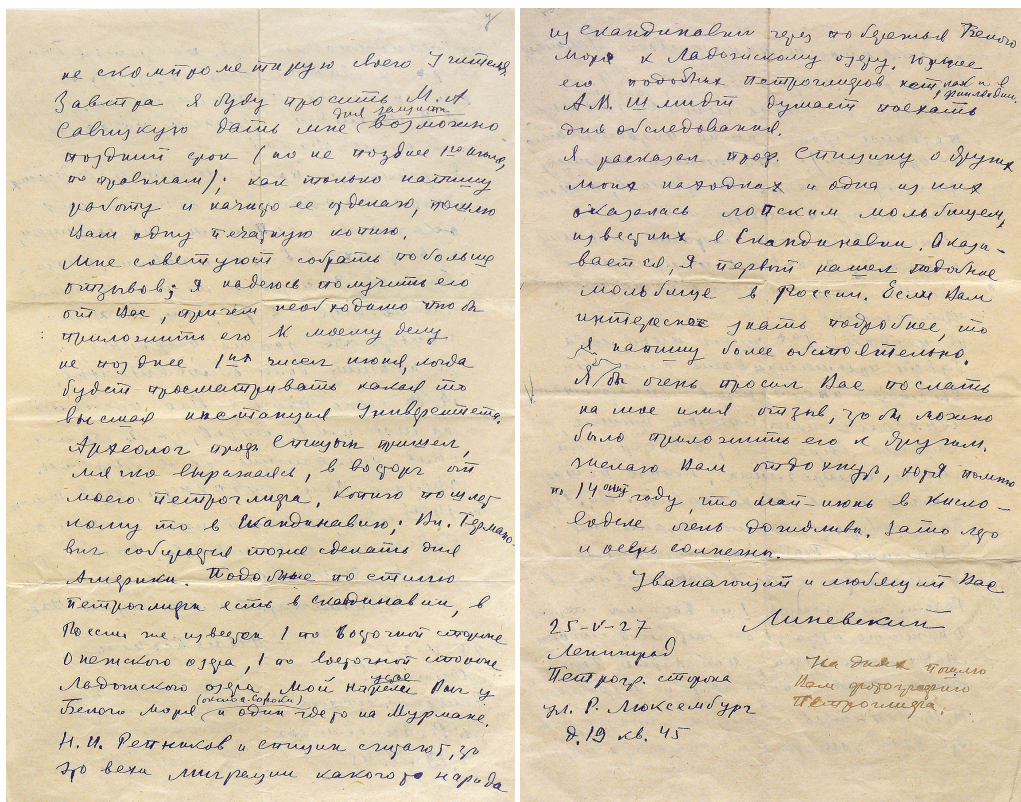

Рис. 12–15. Письмо А. М. Линевского к Л. Я. Штернбергу от 25 мая 1927 г. (СПбФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. Д. 169. Л. 6, 6 об., 7, 7 об.)
 Fig. 12–15. A. M. Linevsky's letter to L. Ya. Sternberg dated May 25, 1927. (St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences)

нашёл подобное мольбище в России. Если Вам интересно знать подробнее, то я напишу более обстоятельно.

Я бы очень просил Вас послать на моё имя отзыв, чтобы можно было приложить его к другим.

Желаю Вам отдохнуть, хотя помню по 14-му году, что май-июнь в Кисловодске очень дождливы. Зато лето и осень солнечны.

Уважающий и любящий Вас

Линевский.

25-V-27

Ленинград

Петрогр. сторона

Ул. Розы Люксембург

д. 19 кв. 45

На днях пошлю Вам фотографию Петроглифа.

После экспедиции 1927 г. Линеvский продолжает разрабатывать темы, которыми как студент этнографического отделения занимался ранее. Однако «Петроглиф» уже прочно обосновался в его сознании и очевидным образом оказывал влияние на его планы и все дальнейшие его действия. Наряду с планами «собирать и разрабатывать материал о превращениях покойников в злых духов у восточных славян и финских народностей» настойчиво и даже страстно озвучено желание «разрабатывать материалы о своём петроглифе». Всё отчётливее понимание, что найдено то, «чего ради живёшь, тревожишься, волнуешься, страдаешь и, в конце концов, достигаешь успеха...» (письмо Г. А. Медынского от 30 декабря 1963 г., Отдел письменных источников ГИМ. Ф. 513. 105381. 5432).

А. М. Линеvский — Л. Я. Штернбергу

14 июня 1927 г. (СПбФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. Д. 169. ЛЛ. 8, 8 об., 9, 9 об.)
(рис. 16–19)

Глубокоуважаемый Лев Яковлевич.

Только сегодня я получил фотографии с моего петроглифа и спешу Вам послать один экземпляр.

Я получил Ваше письмо и трудно передать какой поток энергии, радости и бодрости влил в меня Ваш отзыв.

Глубокоуважаемый
Лев Яковлевич

Только сегодня я получил
фотографии с моего петроглифа
и спешу Вам послать
один экземпляр.

Я получил Ваше письмо и
трудно передать какой поток
энергии, радости и бодрости
влил в меня Ваш отзыв.

Я должен повторить у вас про-
ситель, где этот овал, овальчик,
остановился у меня как темный,
как вонючий за превращение
времени у меня в истинность.

Я решил не снимать стелу и
теперь сам, не рисовать, т.к. сама
стела имеет форму либо начертан-
ная мной астероидом, а теперь я
под или под не вращаясь

кельюводилитом.

Получил мое Линеvское письмо
смайлующим медленным образом,
где видно в силу в Карелии,
где проведет очисление все
работы вокруг Памбургина / силу
бумажный и частично пивсовый эстака-
даны, т.к. имеет не только истинно
но и влогород, силу и план, эстака-
ды и зарисовки). Далее повторю
по описанию и, для моего, т.к. не
в себе осветить газон в Петре этого
Памбургина.

Затем 1/2 месяца я много не буду
делать, буду отдыхать и каю-
каюль сил.

Итак, в силу и, для того же
не описания в своем журнале,
буду собирать и разрабатывать
материал о превращении во-
нотных в злых духов у восточных
славян и финских народностей.

Вдобавление к этой работе я
буду разрабатывать материалы

Я должен попросить у Вас прощение, что этот отзыв, повидимо, останется у меня как память, как венок за чрезвычайно тяжелое время учения в институте.

Я решил не слишком спешить и, тем самым, не рисковать, т. к. если бы Москва почему либо не утвердила меня аспирантом, я потерял бы год или больше времени совершенно непроизводительно.

Поэтому моё ближайшее время складывается следующим образом: через неделю я еду в Карелию, где произведу полностью все работы вокруг памятника (сниму бумажный и частью гипсовый эстампажи, чтобы иметь не только контуры, но и площадь, сниму план, фотографии и зарисовки). Далее поброжу по окрестностям и, быть может, это кое в чем осветит *raison d'être* этого памятника. Затем 1 1/2 месяца я ничего не буду делать, буду отдыхать и набираться сил.

Вернусь в августе и, веря что Вы не откажите в своём руководстве, буду собирать и разрабатывать материал о превращениях покойников в злых духов у восточных славян и финских народностях.

Одновременно с этой работой я буду разрабатывать материалы о своём петроглифе (под руководством проф. А. А. Спицына, обещавшего мне всемерное содействие). Кстати намечается и издатель особой моей монографии о петроглифе.

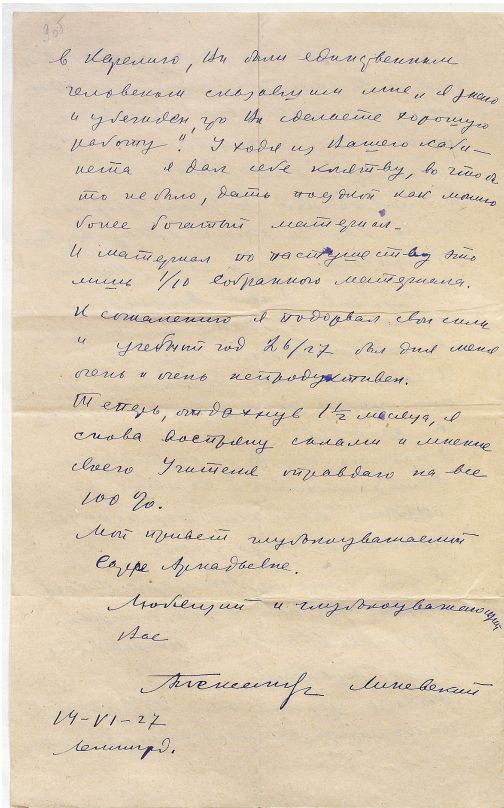
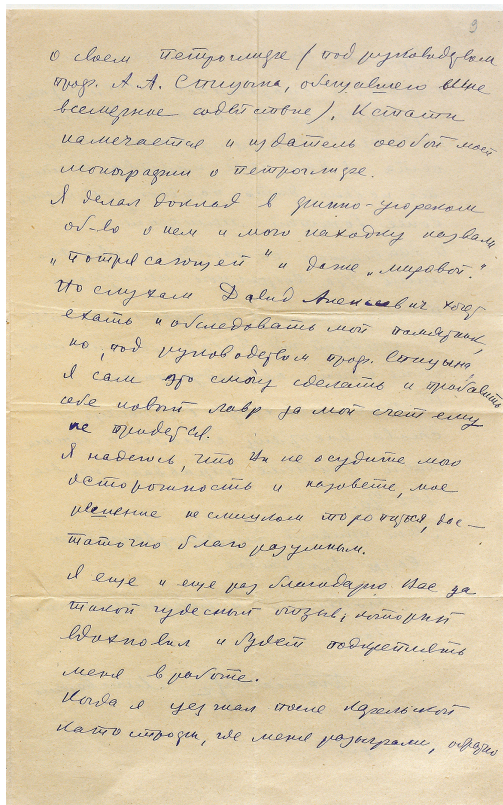

Рис. 16–19. Письмо А. М. Линевского к Л. Я. Штернбергу от 14 июня 1927 г. (СПбФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. Д. 169. Л. 8, 8 об., 9, 9 об.)

Fig. 16–19. A. M. Linevsky's letter to L. Ya. Sternberg dated June 14, 1927. (St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences)

Я делал доклад в финно-угорском обществе о нем и мою находку назвали «потрясающей» и даже «мировой». По слухам Давид Алексеевич хочет ехать и обследовать мой памятник, но, под руководством проф. Спицына, я сам это смогу сделать и прибавить себе новый лавр за мой счет ему не придется.

Я надеюсь, что Вы не осудите мою осторожность и назовёте мое решение не слишком торопиться достаточно благоразумным.

Я ещё и ещё раз благодарю Вас за такой чудесный отзыв, который вдохновил и будет подкреплять меня в работе.

Когда я уезжал после Карельской катастрофы, где меня разыграли, обратно в Карелию, Вы были единственным человеком, сказавшим мне «я знаю и убеждён, что Вы сделаете хорошую работу». Уходя из Вашего кабинета я дал себе клятву, во что бы то ни было, дать поездкой как можно более богатый материал.

И материал по пастушеству это лишь 1/10 собранного материала.

К сожалению я подорвал свои силы и учебный год 26/27 был для меня очень и очень непродуктивным.

Теперь, отдохнув 1 1/2 месяца, я снова воспряну силами и мнение своего Учителя оправдаю на все 100%.

Мой привет глубокоуважаемой Саре Аркадьевне.

Любящий и глубокоуважающий Вас

Александр Линеvский.

14-VI-27

Ленинград

Лето 1927 г. стало памятным и для Линеvского, и для Брюсова. Брюсов занимался раскопками. Линеvский копировал петроглифы, однако теперь делал это иначе: скала была расчерчена на квадраты, квадраты пронумерованы (рис. 20). Часы копирования и размышлений над древними рисунками, вечерние беседы с Брюсовым, по словам Линеvского, определили навсегда направление его жизни. Лето 1927 г. положило начало совместным полевым работам и большой дружбе, длившейся несколько десятилетий вплоть до смерти Брюсова в 1966 г.

Лев Яковлевич Штернберг скончался 14 августа 1927 г.

23 октября 1927 г., уже из Ленинграда, Линеvский сообщит о проделанной летом работе Василию Алексеевичу Городцову: 45 гипсовых эстампажей и 50 метров контурных бумажных эстампажей беломорских петроглифов, 40 гипсовых и 70 метров контурных эстампажей онежских петроглифов (Бесов и Пери Носы), несколько десятков фотографий наскальных изображений.

А. М. Линеvский — В. А. Городцову

23 октября 1927 г. (Отдел письменных источников ГИМ. Ф. 431. Ед. 414. Л. 29–35)

...На предстоящих выставках 10-летия Октябрьской революции работы будут выставлены полностью в Петрозаводске и частично в Ленинграде, после чего, в виду богатства материала /до 270 изображений/ я отдам месяца три на обработку их, с точки зрения палео-этнографа. Зная Ваш интерес к петроглифам /по работе 26 г./ и учитывая научную ценность материала /судя по предложению проф. Тальгрена немедленно напечатать работу/, я позволяю себе предложить выставить образцы петроглифов на московских выставках...

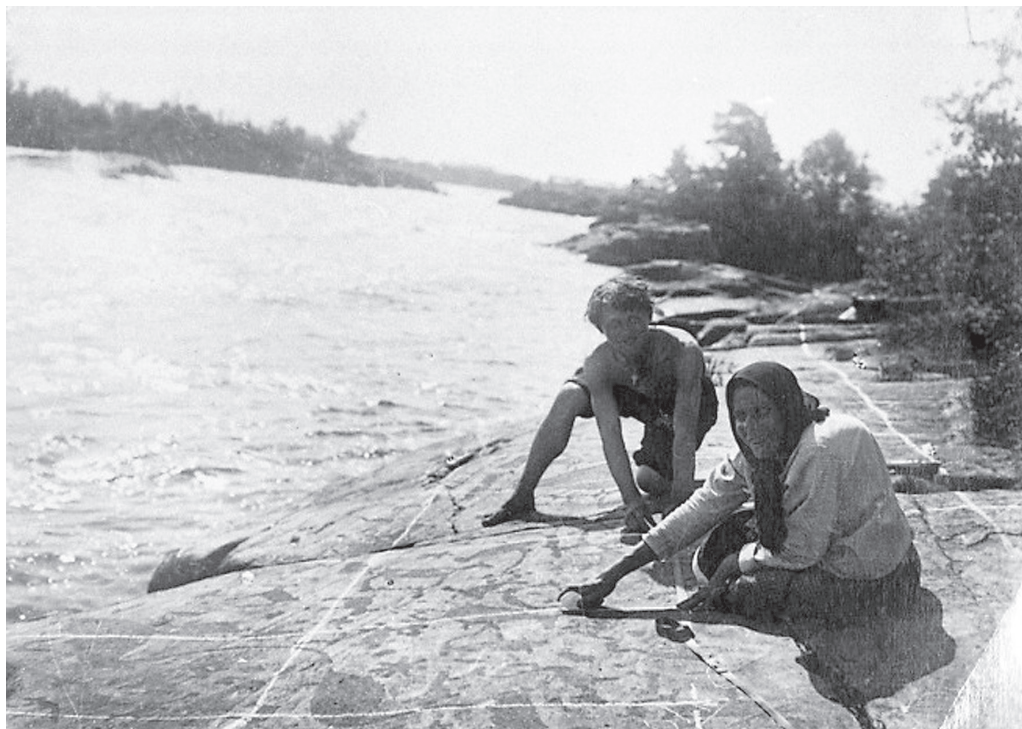

Рис. 20. Копирование Бесовых Следков в 1927 г. На поверхность скалы нанесена мелом сетка для повышения точности копирования. Фото А. М. Линевского (Национальный архив Республики Карелия. 0–37712)

Fig. 20. Copying of “Besovy Sledki” in 1927 (chalk grid was applied on the rock surface in order to reduce copying errors). Foto by A. M. Linevsky (National Archive of the Republic of Karelia)

Тогда же, в октябре, он отправляет письмо А. Я. Брюсову.

А. М. Линевский — А. Я. Брюсову

Октябрь 1927 г. (Отдел рукописей РГБ. Ф. 708. 6. 52. Л. 1)

Глубокоуважаемый Александр Яковлевич.

Прежде всего спешу отметить, что контакт в нашей работе для меня весьма желателен по той причине, что мой интерес сосредотачивается на палео-этнографии (социальная и, главным образом, духовная культура древнего человека). Таким образом, Ваши исследования археологического характера дадут мне возможность в необходимых случаях обращаться к Вашей доброте и пользоваться указаниями по Вашим материалам. Ни в коем случае не являясь археологом, я нуждаюсь в теснейшей связи с работниками, сосредотачивающим своё внимание на археологии (понимая её в смысле изучения материальной культуры).

Вторая причина — что, надеюсь останется между нами, это то обстоятельство, что Вы являетесь соратником Василия Алексеевича, труды которого научили меня любить человека.

Вот по этим-то причинам я с горячей радостью пойду Вам навстречу и постараюсь сделать всё, что в моих силах...

... Что же касается меня лично, то я лишь один знаю местонахождение 13 стоянок, указать которые, если Вы пожелаете, я постараюсь сделать во всякое время. Эти стоянки почти не подвергались раскопкам, я лишь постарался собрать все следы их и таким образом найти стоянки без меня вряд-ли представляется возможным, так как они не дюнного характера, а лежат под пластами земли...

В следующем, 1928 г. Линевский продолжает активно переписываться с Брюсовым. Мне хотелось бы процитировать, хотя бы частично, несколько таких писем, так как в них прослеживаются первые шаги Линевского-археолога, поначалу робкие, с опорой на авторитет и знания старшего товарища, затем всё более самостоятельные и уверенные.

*А. М. Линевский — А. Я. Брюсову
20 февраля 1928 г. (Отдел рукописей РГБ. Ф. 708. 6. 52. Л. 5, 6)*

Глубокоуважаемый Александр Яковлевич.

Сегодня утром, перед самым своим выходом, я получил почту, в числе которой нашёл Ваш отчёт. Я очень торопился, но всё же остался на пять минут, чтобы хоть слегка, поверхностно, ознакомиться с ним, но... остался на весь день и только сейчас, в 6 часов вечера поехал к машинисту. Чрезвычайно Вам благодарен за послание. Можно удивиться до какой степени совпадает Ваше и моё отношение к памятникам древности. Трижды перечитав Ваш отчёт я не мог почти во всём полностью не согласиться с Вами с тем, что касается моей области знания, и при личном свидании позволю себе отметить ещё несколько фактов из Вашего материала, этнологически подтверждающие Ваши выводы. Единственным местом, которым я был весьма смущён, является тот факт, что Вы допускаете существование земледельческой культуры. По многим причинам этот вопрос, по-видимому, рискует отпасть.

...

Не могу не выразить своего глубочайшего сожаления, что, по видимому, Ваша сильная обремененность делами не позволила Вам иметь со мной более частую переписку, вследствие чего, я, приблизительно месяц тому назад, передал своё собрание керамики и кремня (всего около 25 фунтов) в музей Антропологии и Этнографии Академии Наук. Между тем, в одном из своих первых писем к Вам, я отмечал своё желание предварительно послать вам керамику в натуре. К сожалению Ваше длительное молчание ставило меня в полную неизвестность относительно нашей дальнейшей переписки и я передал материалы в собственность музею.

Вопрос о стоянках Выг-Острова необходимо разрешить в плоскости наибольшего сохранения интересов и моих и Ваших. Дело в том, что по ряду данных я глубоко убеждён, что этот район даст большой и ценный материал... Учитывая этот момент я в высшей степени осторожно отнёсся к найденным стоянкам, опасаясь, каким-нибудь случайным промахом с моей стороны, принести непоправимый ущерб в науке. Поэтому они целы и ждут своего исследователя. Но здесь следующее затруднение: я имею несчастье состоять в «особых» отношениях с одним работником (не археологом), который, в компании других лиц

в Москве, уже с 1924–25 года неустанен сеять слухи, что, например, я в Чувашской Республике был принят за академика (действительного члена Ак. Наук) и т. д. В своё время, мой покойный учитель, Л. Я. Штернберг предложил кое-кому начать официальное дело, но тогда оказалось, что все они не причём, что кто-то где-то что-то слышал, откуда не помнит и т. д. Я имею все данные опасаться, что мой отказ от работы по стоянкам прекрасно будет использован в совершенно нежелательном для меня смысле.

С другой стороны я не считаю себя в праве заставить науку страдать из-за нечистоплотности кое-кого и моего самолюбия. Поэтому надо найти какой-то компромисс, удобный для Вас и для меня, причём такой — чтобы никто из нас ни в какой мере не страдал-бы.

Изучив Ваш отчёт, я пришёл к твёрдому убеждению, что окружить Выг-Островский район какой-то магической чертой от Вас — морально совершенно недопустимо. В научной работе на мой взгляд необходима известная монолитность, единство исследователя. Поэтому делать вырез в поле Вашего исследования преступно, так как от этого прежде всего пострадает достижение научной мысли.

Не скрою, что на Выг-Островские стоянки многие зарятся, но приоритет разработки их (кроме меня) принадлежит, безусловно, Вам, как уже ряд лет основательно работающему в Беломорском бассейне.

Отсюда вывод, что необходимо найти какой-то компромисс, взаимно нас устраивающий. Предоставляю Вам первому выработать форму этого компромисса.

Еще раз благодарю Вас за присланную интереснейшую работу и прошу права, поскольку она ещё на правах рукописи, ссылаться на неё в своём исследовании.

Возможно, что недель через шесть или более, я приеду в Москву, чтобы доложить этнолого-археологическим кругам Москвы о результате моих работ. Тогда, конечно, можно будет поговорить полнее и более основательно.

Примите уверения в глубоком к Вам уважении
Уважающий Вас Ал. Линевский

20 февраля 1928 г.

Задержал своё письмо, так как хотел Вам послать несколько фотографий. Это часть материала, что хранится в Петрозаводском Музее...

А. М. Линевский — А. Я. Брюсову
27 марта 1928 г. (Отдел рукописей РГБ. Ф. 708. 6. 52. Л. 8)

...Я уверен, что Выгостровские стоянки увидят Вас не как мимо проходящего разведчика, а в полном объёме «копальщика». Единство исследователя — залог верного и точного понимания данной области. Впрочем об этом я надеюсь с Вами поговорить более подробно, когда я приеду в Москву, чтобы поделиться результатами своих работ. Не откажите в любезности быть в этом деле моим протеже в данном деле, и сообщить мне в какой организации можно было-бы совместить присутствие и археологов и этнографов...

А. М. Линевский — А. Я. Брюсову
19 апреля 1928 г. (Отдел рукописей РГБ. Ф. 708. 6. 52. Л. 9)

Глубокоуважаемый Александр Яковлевич.

Не отвечал Вам так долго на Ваше письмо по той причине, что никак не могу в точности установить день своего приезда в Москву.

Безусловно, мой доклад будет сопровождаться диапозитивами — столь необходимыми для этой области. В моём докладе я предполагаю вначале продемонстрировать своё собрание карельских петроглифов (205 изображений найденных мною «Бесовых Следков» и около 180 изображений Бесова- и Пери Носа. Цель второй части моего доклада — доложить о результатах произведённой мною работы, которая выразилась, главным образом, в установлении причин появления петроглифов, что, тем самым, даёт ключ к расшифровке их общего значения.

Над этой работой мне пришлось посидеть 5 месяцев, отдать массу труда, занимаясь в день по 10–12 часов — и, в результате, самая трудная часть работы оказалась выполненной.

Я просил бы Вас самому решить где будет целесообразнее сделать мне доклад, который по-видимому, придётся мне сделать в Ленинграде.

Я не знаком с московскими традициями, но в Ленинграде знаю по ряду фактов случаи внеочередного созыва собраний. Поэтому просил бы Вас уведомить меня за какой наиболее краткий срок мне надо известить о моём желании сделать доклад.

Вашим предложением остановиться у Вас я с благодарностью воспользуюсь, по-видимому, не дольше как на одну ночь.

К 15 мая я должен в Москве сдать одну работу по Карелии, по русскому обычаю дня на два запоздаю, и, вероятно, числа 17–18 буду в Москве.

Чувствую приближение весны по той причине, что на днях один любитель археологии довольно таки иносказательно беседовал со мной о Выгостровских стоянках и при этом бил на патриотизм говоря, что ленинградцу надо делиться только с ленинградцем. К его искреннему огорчению у меня несколько другие понятия и он не получил от меня никаких *cartes blanches*.

В Карелии по археологии предполагают работать кое-кто из ленинградцев. Поэтому я Вас просил бы заодно сообщить мне самый ранний срок, когда бы Вы могли выехать на работы. Было бы наиболее рациональным поехать мне с Вами и лично указать эти места, потому что эти стоянки не дюнного характера и отыскать их будет гораздо труднее, так как с поверхности все черепки и кремь собраны мною, а на размыв по некоторым причинам не приходится надеяться.

Когда я буду в Москве, то привезу Вам план с обозначением местонахождения этих стоянок.

Уважающий Вас
А. Линевский

Летом 1928 г. Линевский провёл несколько дней в экспедиции Брюсова, занимавшегося раскопками в районе Бесовых Следков — изучал окрестности памятника, размышлял о причинах появления рисунков именно здесь, на этом острове у порога Шойрукша, после чего отправился на Онежское озеро, где продолжил копирование наскальных изображений (Линевский б. д. 1).

А. М. Линевский — А. Я. Брюсову

13 ноября 1928 г. (Отдел рукописей РГБ. Ф. 708. 6. 52. Л. 18)

...я буду очень рад, если Вы напишите мне более подробно о Вашей работе, чтобы я получил ориентировку, нет ли у меня каких либо петроглифов иллюстрирующих затрагиваемые Вами вопросы.

Прошу помнить, что я всегда стараюсь в чём лишь могу оказать своё содействие всем тем, чья работа в той или иной степени соприкасается с моей.

Не нужно ли Вам послать фотографии с Бесовых Следков, у меня есть ряд вполне приличных, не нужен ли Вам также топографический план. В общем подумайте и напишите о всём чего не хватает Вам для иллюстрации и т. д. Это не должно накладывать на Вас никаких обязательств, так как всё будет сделано в силу моей личной заинтересованности в Вашей работе.

Моя работа выходит ещё лишь через месяц в сборнике (что сделано помимо моей воли) «Ленинградского Общества Исследователей Культуры Финно-Угорских Народностей» под заглавием «К вопросу о петроглифах Карелии» (Бесовы Следки, Пери Нос, Бесов Нос)...

В декабре 1928 г. Линевский защищает дипломную работу. По сути, это была публичная защита его статьи «К вопросу о петроглифах Карелии» (Линевский 1929б). Уже в январе следующего года он строит планы по обследованию островов побережья Белого моря и Мурманской губернии.

А. М. Линевский — А. Я. Брюсову

15 января 1929 г. (Отдел рукописей РГБ. Ф. 708. 6. 52. Л. 21)

...Искать петроглифы я буду исключительно в тех местах, где происходит или теоретически должно было происходить массовое скопление промысловых животных.

Сюда в первую очередь я вношу остров Моржовец, который должен дать или петроглифы или хотя бы памятники аналогичные Соловецким. Уже одно последнее должно будет дать материал для интереснейших и весьма ценных выводов. Точно так же я их буду искать в Кандалакшском заливе и кое-где в тех местах, топографические условия которых мне напомнят или «Бесовы Следки» (массовое скопление рыбы из-за водопада) или Бесова или Пери Носа (массовое скопление дичи в местах, где берег раньше всего оттаивает).

Что Вы думаете по этому поводу?

Спасибо Вам за указание об «символах Солнца». Когда Вы получите номер «Экономики и Статистики Карелии», то в моём конспекте (только так можно назвать эту статью) Вы найдёте упоминание об украшениях лодок (по объяснению западных учёных), как символе «рогатого мифического лебедя — древнего божества Арийцев».

Я же указываю о существовании этих рогатых лодок и у самоедов и вогулов к так называемым Арийцам никак не относящимся. На защите моего диплома (28 декабря) мне задавали вопросы о символах солнца и т. д., на что я ответил, что этих вопросов я не буду касаться вообще во всех своих работах по петроглифам. Уверен, что когда я издам свою работу о петроглифах в полном виде

(что идёт успешно в полном темпе), то Запада с очень большой лёгкостью найдёт в моём собрании 460 петроглифов энное количество различных символов. Что касается петроглифов Пери Носа, то я нашёл ряд аналогий с современным сибирским шаманством, причём своей количественностью, как мне кажется, дающие право утверждать о какой-то быть может (исключительно) культурной диффузии с Востоком. Вы совершенно правы, что Бесовы Следки никакой связи с Пери Носом не имеют.

Не думаете ли Вы, что этим летом, до начала раскопочных работ Вам выгоднее произвести топографическую съёмку с нанесением горизонталей, по которой, быть может, удастся найти древнейший волок. Совершенно не понимаю, какие данные могут существовать, чтобы увязывать петроглифы с самым древним культурным слоем?

Цель появления петроглифов может быть лучше всего объяснённый периодом понижения оптимума, так как именно тогда то и являлся неожиданный повод для магических манипуляций увеличения оскудевшего промысла...

Линевский-археолог «родился» знойным августовским днём 1926 г. на каменистом островке Шойрукшин в устье реки Выг, у бушующего порога Шойрукша.

В работе «К вопросу о петроглифах Карелии» Линевский, по словам профессора Ленинградского университета этнографа Дмитрия Константиновича Зеленина, дал точный учёт всего петроглифического материала Карелии, сделал попытку исследовать его в свете этнографических данных, что было ново в истории изучения наскальных изображений (Линевский 1929а). «Что даёт эта работа? Первое и самое важное — полный учёт материала возможно точным воспроизведением его, — отмечает историк и археолог Александр Андреевич Спицын. — Второе — даётся попытка исследования. Исполнена большая и трудная, часто неодолимая задача угадывания изображений и привлечена большая этнографическая литература для объяснения их смысла в общей связи» (Спицын 1929: 49–50). Минует несколько десятилетий, и А. М. Линевский в отзыве на рукопись книги Ю. А. Савватеева «Наскальные изображения Карелии» напишет: «В основу изучения смысла и назначения рисунков должен быть положен всё тот же этнографический материал из жизни народов Европейского Севера и Сибири. Именно он и только он поможет понять петроглифы Карелии» (Линевский б. д. 2).

Немногочисленные публикации, посвящённые Линевскому, а также воспоминания самого Александра Михайловича, на мой взгляд, освещают события его жизни извне, в то время как письма, которые писал он или писали ему, освещают их изнутри.

Я копировала наскальные рисунки на Севере России и во Французских Альпах — участок скалистой поверхности покрывала тканью и протирала её восковым мелом. И всегда чувствовала не просто выбитый контур, но ощущала руку и сердце первобытного автора. В настоящей статье вниманию читателя представлены оригиналы четырёх рукописных писем А. М. Линевского к Л. Я. Штернбергу. Видеть почерк Линевского, со всеми изгибами и неправильностями, свойственными взволнованной руке, — это ли не делает мгновения познания его души ярче, а моменты истины ближе?

Сейчас, в преддверии юбилейной даты (в 2022 г. исполняется 120 лет со дня рождения А. М. Линевского), мне представляется весьма актуальной публикация подобных документов.

Литература

- Гаген-Торн Н. И. 1971. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (У истоков советской этнографии). *Советская этнография* 2, 134–145.
- Гаген-Торн Н. И. 1975. *Лев Яковлевич Штернберг*. М.: Наука.
- Линевский А. М. б. д. 1. А. Я. Брюсов в Карелии. Национальный архив Республики Карелия. Ф. 3262. Оп. 2. Д. 5/128.
- Линевский А. М. б. д. 2. Отзыв на рукопись книги Ю. А. Савватеева «Наскальные изображения Карелии». Национальный архив Республики Карелия. Ф. 3262. Оп. 2. Д. 5/120.
- Линевский А. М. 1925. Революция и чувашаи. В: Тан-Богораз В. Г. (ред.). *Обновленная деревня*. Л.: Гос. изд-во, 120–137.
- Линевский А. М. 1929а. Докладная записка члена-сотрудника Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей А. М. Линевского о своей научной деятельности и отзывы о его работе члена-корреспондента АН СССР Д. Зеленина и председателя о-ва. Национальный архив Республики Карелия. Ф. 3262. Оп. 2. Д. 1/2.
- Линевский А. М. 1929б. К вопросу о петроглифах Карелии («Бесовы Следки», Бесов Нос и Пери Нос). В: Егоров В. А. (ред.). *Сборник Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей (ЛОИКФУН)*. Л.: ЛОИКФУН, 53–95.
- Линевский А. М. 1975. Полвека работы. *Север* 11, 112–119.
- Линевский А. М. 1982. *Возвращение*. Петрозаводск: Карелия.
- Макарьев С. А. 1928. *Полевая этнография: Краткое руководство и программы для сбора этнограф. материалов в СССР*. Л.: Этнографич. экскурсионная комис. Этноотд-ния Геофака Л. Г. У.
- Ратнер-Штернберг С. А. 1928. Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии Академии наук. *Сборник Музея антропологии и этнографии VII*, 31–70.
- Савватеев Ю. 2010. В поисках достоверности: о жизни и деятельности А. М. Линевского. *Север* 7–8, 94–107.
- Спицын А. А. 1929. Олонецкие петроглифы (По поводу статьи А. М. Линевского). В: Егоров В. А. (ред.). *Сборник Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей (ЛОИКФУН)*. Ленинград: ЛОИКФУН, 49–52.

References

- Gagen-Torn N. I. 1971. Leningradskaja etnograficheskaia shkola v dvadtsatye gody (U istokov sovetskoi etnografii). *Sovetskaia etnografiia* 2, 134–145 (in Russian).
- Gagen-Torn N. I. 1975. *Lev Iakovlevich Shternberg*. M.: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Linevskii A. M. Without date. *A. Ia. Briusov v Karelii*. Natsional’nyi arkhiv Respubliki Kareliia. F. 3262. Op. 2. D. 5/128 (in Russian).
- Linevskii A. M. Without date. *Otzyv na rukopis’ knigi Iu. A. Savvateeva «Naskal’nye izobrazheniia Karelii»*. Natsional’nyi arkhiv Respubliki Kareliia. F. 3262. Op. 2. D. 5/120 (in Russian).
- Linevskii A. M. 1925. *Revoliutsiia i chuvashi*. V: Tana-Bogoraz V. G. (ed.). *Obnovlennaja derevnia*. Leningrad: “Gosudarstvennoe izdatelstvo” Publ., 120–137 (in Russian).
- Linevskii A. M. 1929a. *Dokladnaia zapiska chlena-sotrudnika Leningradskogo obshchestva issledovatelei kul’tury finno-ugorskikh narodnostei A. M. Linevskogo o svoei nauchnoi deiatel’nosti i otzyvy o ego rabote chlena-korrespondenta AN SSSR D. Zelenina i predsedatelja o-va*. Natsional’nyi arkhiv Respubliki Kareliia. F. 3262. Op. 2. D. 1/2 (in Russian).

Linevskii A. M. 1929b. K voprosu o petroglifakh Karelii («Besovy Sledki», Besov Nos i Peri Nos). In: V. A. Egorov (ed.). *Sbornik Leningradskogo obshchestva issledovatelei kul'tury finno-ugorskikh narodnostei (LOIKFUN)*. Leningrad: "LOIKFUN" Publ., 53–95 (in Russian).

Linevskii A. M. 1975. Polveka raboty. *Sever* 11, 112–119 (in Russian).

Linevskii A. M. 1982. *Vozvrashchenie*. Petrozavodsk: "Kareliia" Publ. (in Russian).

Makar'ev S. A. 1928. *Polevaia etnografiia: Kratkoe rukovodstvo i programmy dlia sbora etnograf. materialov v SSSR*. Leningrad: "Etnografich. ekskursionnaia komis. Etnootd-niia Geofaka L. G. U. " Publ. (in Russian).

Ratner-Shternberg S. A. 1928. Lev Iakovlevich Shternberg i Muzei antropologii i etnografii Akademii nauk. *Sbornik MAE VII*, 31–70 (in Russian).

Savateev Iu. 2010. V poiskakh dostovernosti: o zhizni i deiatel'nosti A. M. Linevskogo. *Sever* 7–8, 94–107 (in Russian).

Spitsyn A. A. 1929. Olonetskie petroglify (Po povodu stat'i A. M. Linevskogo). In: V. A. Egorov (ed.). *Sbornik Leningradskogo obshchestva issledovatelei kul'tury finno-ugorskikh narodnostei (LOIKFUN)*. Leningrad: "LOIKFUN" Publ., 49–52 (in Russian).

Сокращения

РГБ — Российская государственная библиотека

ГИМ — Государственный исторический музей

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива РАН